

ПРИНУЖДЕНИЕ, ТРАНСЛИРУЕМЫЕ ОБРАЗЫ И НОРМЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Е.Г. Прилукова

Рассмотрен феномен власти как деятельность социальных институтов и учреждений, контролирующих социально-психологическое функционирование индивида и являющихся, в свою очередь, инструментом и техникой осуществления власти в обществе. Описаны примеры отказа власти от осуществления принуждения насильственными способами и перехода к «мягким» в случае проявления свободы индивида в сочетании с его ведомой ролью. Представлено понимание, что фундаментом власти управления является категория нормы, т. е. представление о должном, задаваемом в обществе, в том числе средствами массовой коммуникации и информации.

Ключевые слова: влияние, власть, принуждение, средства массовой коммуникации, человек, знание, творчество.

Традиционно считается, что власть есть принуждение исключительно подчиненного человека, предписание заставить его выполнять исходящие от нее предписания [3, с. 37]. Вместе с тем в современных условиях есть основания рассматривать власть с несколько иных позиций.

Современное общество вслед за французским мыслителем М. Фуко можно определить как дисциплинарное, в котором технологии и техники власти создавались постепенно и непрерывно в различных сферах общественной жизни [6, 8, 9]. В вышедшей в 2005 году на русском языке книге М. Фуко «Интеллектуалы и власть» сформулирована позиция, что отношения власти лежат в основе деятельности всех социальных институтов и учреждений – производственных, педагогических, медицинских, уголовных и т. п., которые «берут на себя контроль, ответственность за полное и или практически полное время жизнедеятельности индивида; то есть это учреждения, которые, можно сказать, берут на себя попечение о каждом мгновении жизни индивидов» [7, с. 134]. Именно таким образом различные социальные структуры превращаются в социально-психологические инструменты и техники осуществления власти в обществе. Благодаря их использованию власть отказывается от осуществления принуждения индивида насильственными способами и переходит к «мягким», задавая своеобразную психологическую вынужденную амбивалентность: когда

индивид свободен, но ведом. В основе этого процесса «ведения ведомой личности» лежит формирование знания, с помощью которого человек подвергается изменению «благодаря тому, что он познает, или, скорее, в процессе работы, производимой им ради познания» [7, с. 233] Именно знание дает возможность некоторым индивидам (субъектам власти) контролировать и управлять поведением других и при этом непринудительно. Другие люди сами подчиняются власти: «знание можно конвертировать во власть, ибо если кто-то может обнаруживать и констатировать истины, то его потенциал угрозы возрастает» [3, с. 156]. Хотя само по себе знание не является принуждением, да и «власть следует отличать от принуждения к какому-либо конкретному действию. У того, кто подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю. В своем крайнем варианте принуждение сводится к применению физического насилия и тем самым подмене собственными действиями действий других людей, которые власть не в состоянии вызвать. По мере усвоения функций принуждения власть утрачивает свою функцию... По мере осуществления принуждения практикующий его возлагает на себя бремя принятия решений. В большинстве случаев можно говорить о том, что к насилию прибегают ввиду недостатка власти» [3, с. 18–19].

Фундаментом власти управления является понятие нормы, то есть знание и представле-

ние о должном. Невольно возникает вопрос, кто же в обществе задает это понятие нормы? На наш взгляд, «творцом» нормы сегодня выступают средства массовой коммуникации и информации («масс-медиа»), создающие и тиражирующие различные образы, в которых те или иные факты приобретают общественное и индивидуальное значение. Эти образы необычны по своей природе: с одной стороны, они содержат некоторые фрагменты реальности, с другой, они есть результат творческой деятельности, которая предполагает выход за пределы реальности. Ведь творчество не подчиняется правилам. Следовательно, образы не обязательно должны быть точной копией происходящего, а творящий их субъект может прибегнуть к вымыслу при их конструировании. Поэтому образы, создаваемые и тиражируемые современными масс-медиа не отражают в полной мере всего того, что есть в реальности, они всего лишь интерпретируют реальность и «включают в себя одновременно значения отбражения, слепка и образца» [2, с. 52].

Следует обратить внимание, что в процессе интерпретации неизбежно возникает домысливание, поскольку интерпретатор обладает определенным набором своих представлений о должном, которые определяются, следуя логике рассуждений Г. Гадамера, как его предмнения [2]. Воспринимающий образы также обладает предмнениями. Встречаясь при восприятии образов, предмнения не всегда совпадают, они только принимаются к сведению и необязательно должны быть разделенными. Здесь «требуется лишь открытость к мнению другого. Однако такая открытость изначально предполагает, что мы приводим чужое мнение в соответствие с целостностью наших собственных мнений или наоборот» [2, с. 320]. Так интерпретация все более и более отрывается от своего исходного значения, реальность подвергается изменениям, так как «все, что нам сообщается, мы дешифруем, ориентируясь на того, кто это сообщает» [4, с. 132], и человек становится несвободным.

Как справедливо подчеркивал Н. Луман, именно «своим бесконечным дописыванием конструкций реальности, масс-медиа подрывают господствующее понимание свободы», которая чаще всего рассматривается как отсутствие принуждения. Однако в этом и скрывается «тайна» средств массовой коммуникации – они принуждают человека быть таким и только таким, потому что они форми-

руют картину реальности в общественном сознании через репрезентацию социально-политических, эстетических, этических, правовых, религиозных и других взглядов. В соответствии (и равно) с психическими чувствами сопричастности действуют три базовых механизма функционального воздействия: сублимационный, персонификационный и идентификационный.

Мгновенная передача образов, непосредственность свидетельства, эффект присутствия и тому подобное приводят к тому, что образ поднимается над содержанием и нередко становится главной сутью передачи. Создаваемый образами мир оказывает сильное влияние на сознание: «Я это вижу – значит, это есть». Образ дает человеку веру в собственное существование. В сознание масс-медиа обрушиваются потоки сообщений, которые информируют, предостерегают, советуют, образумливают, тревожат и т. п. С помощью современных технологий образы дают объяснение необъяснимого, помогают человеку почувствовать свое могущество и бессилие: «побывать там, куда не ступала нога человека»: на других планетах, в цивилизациях, побывать внутри атомного реактора, опуститься в морские глубины и т. д. Одновременно образы выделяют лица, которые обращаются к каждому с разъяснениями о норме.

Тем не менее важно помнить, что за образами стоят конкретные люди. Концентрация возможности навязывать «видение мира» позволяет в условиях социальной неопределенности конвертировать это «преимущество» в рычаги власти. В настоящее время отмечается, что «местом осуществления политики в обществах прошлого было некое публичное пространство (площадь, форум, агора...). В настоящее время публичное пространство уступает место публичному изображению» [1, с. 130]. Как следствие, власть (либо возможность ее реализации) начинает концентрироваться в руках тех, кто стоит за образами, образы превращаются в символический капитал, который используется в борьбе за власть: единый образ мира формируется и умножается только здесь, а не в голове отдельного индивида, и уже не «мы смотрим», а «смотрят нас». Формируется человек совершенно нового типа – homo electronicus [5], жадно впитывающий те односторонние социальные нормы и истины, которые накатываются на него с телевизионно-

го экрана или экрана монитора. Субъект растворяется, исчезает с развитием виртуально-структурных социально-психологических черт личности (происходит своего рода «смерть субъекта»). Он входит в мир благодаря образам, например, каждый вечер телевизионная няня («Спокойной ночи, малыши!») заменяет детям родителей в укладывании их спать. Очевидна смена социально-психологических тенденций и феноменов, их динамика: если раньше образцы своих поступков, поведения люди находили в общении с членами своего микросоциума, то в настоящее время интериоризация социальных норм и ценностей происходит посредством масс-медийного воздействия: через телевидение и компьютер входят и распространяются в макро- и микросоциальной системе новые способы видения мира индивидом и видения собственного социального поведения, он «примеряет» различные роли и воплощает новые жизненные стили, которые в реальной жизни не суждены быть использованы индивидом.

Таким образом, участие средств массовой коммуникации и информации в формировании и интериоризации социально-психологических норм, образов, влияющих на принятие власти как принуждения, приводит к формированию парадоксальной ситуации: наблюдается, с одной стороны, подавление социального субъекта и, с другой стороны, создаются условия для его развития.

Литература

1. Вирильо, П. Тирания настоящего времени / П. Вирильо // *Искусство кино*. – 1996. – № 1. – С. 130–133.
2. Гадамер, Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова / Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Луман, Н. Власть / Н. Луман; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Практикс, 2001. – 256 с.
4. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Практикс, 2005. – 256 с.
5. Ракитов, А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. – М., 1991. – 286 с.
6. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
7. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; пер. с франц. И. Окуневой; под общ. ред. Б.М. Скуратова. – М.: Практикс, 2005. – 320 с. – Ч. 2. – (Серия «Новая наука политики»).
8. Шабурова, О.В. Власть / О.В. Шабурова // *Современный философский словарь* / под общ. ред. В.Е. Кемерово. – М.; Бишкек; Екатеринбург: «Одиссей», 1996.
9. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко; пер. с итал. и примечания А. Миролюбовой. – СПб.: Александрия, 2007. – 423 с. – (Серия «Становление Европы»).

Поступила в редакцию 28 ноября 2011 г.

Прилукова Екатерина Григорьевна. Кандидат философских наук, доцент кафедры «Международного менеджмента», Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: eg_prilukova@rambler.ru

Ekaterina G. Prilukova. A candidate of philosophical science, senior lecturer of the International Management Department, South Ural state university. E-mail: eg_prilukova@rambler.ru